

ГАЛИНА ЩЕРБАКОВА

РОЛЬ ПИСАТЕЛЯ
ПЬЕЦУХА В ЖИЗНИ
ПРОДАВЩИЦЫ
КОЛБАСЫ ВАЛИ
ВЕРЕТЕННИКОВОЙ

Галина Щербакова

**Роль писателя Пьецуха в
жизни продавщицы колбасы
Вали Веретенниковой**

«ФТМ»

Щербакова Г. Н.

Роль писателя Пьецуха в жизни продавщицы колбасы Вали
Веретенниковой / Г. Н. Щербакова — «ФТМ»,

ISBN 978-5-699-32640-2

ISBN 978-5-699-32640-2

© Щербакова Г. Н.
© ФТМ

Галина Щербакова

Роль писателя Пьецуха в жизни продавщицы колбасы Вали Веретенниковой

Я любила так. Жарила сковородку семечек, обматывалась байковым одеялом, сладеньким, мягоньким, коленками вытянутым... Пальцами ног под собой его прихватывала, шевелилась в нем, как косточки велят, и... – ни в сказке сказать! Оно и сейчас живое – одеяльце, конечно, скорее – полуживое. На пенсии. Я на нем гляжу, когда не хочу заваживаться с гладильной доской. Не люблю эту заразу для энтузиастов глажения. А одеяльце лежит у меня под утюгом, все в рыжих треугольниках бывшего огня, и я думаю: какое было время! Семечки, одеяло и какой-нибудь роман. Я всю советскую литературу перечитала от корки до корки и обратно. Мне даже то нравилось, что никому не нравилось. Я придурашного Данко любила не на уроках литературы, для светлой радости учительницы, а на самом деле действовал он на меня до слез этим своим вырыванием сердца. Все читала. Подряд. Я Драйзера считала ниже Бондарева. И удивлялась себе: ну, думаю, патриотка! Сижу, обплююсь вся, света белого не вижу. Муж, сын – а пошли вы! Как теперь говорят – кайф. Сейчас не соображу, когда это отреагировалось? Когда я отселила одеяльце под утюжок?

Был же первый раз, когда распятыми коленками баечку из изголовья я перенесла в кухню на подоконник? Я вообще люблю размышлять над временем поступков. Какое у них «до» и какое «после». Жила же душа в душу с одеяльцем, а потом взяла (как? когда?) и выбросила за борт в набежавшую волну. Несла его в изгнание как? Как родное или как чужое? Я ж итог этим подводила себе прежней, потому что после этого, чтобы я нажарила семечек и клубочком свернулась – да никогда! Сижу на диване с прямой спиной, а чтоб коленямвольнее было – брошу на них плед. Шерстяной, ирландский, шелком окантованный. Брошу и слежу, чтоб, не дай бог, не коснулся пола. Ну, коснулся бы... Делов! У меня три таких пледа. Но я сама себе это устраиваю – строгость в поведении ног, спины и колен. И не читаю. В руки не беру.

Иногда разламываю апельсин. Почему я всегда себя вижу со стороны в этот момент разламывания? Просто из себя выпрыгиваю, становлюсь напротив и смотрю. Сидит пожилая уже девушки, башня из волос под торшером вся переливается оттенками колестона, и каждый раз – каждый! – я вспоминаю покойницу маму, которая в такую же точно башню закладывала для крепости капроновый чулок. У меня же все на шпилечках, отсюда – хрупкость, а значит, и большая красота. Красота вообще вещь нежизнеспособная. Хочешь выглядеть красиво, придай себе слабость, чтоб все было – хоть пальчиком сломать. Такое у меня понятие о красоте, и тут меня не сбить. Я просто захожусь от смеха, когда слышу теперь на каждом шагу, что красота спасет мир. Ну, скажете, это от ума?

Ненавижу апельсины именно потому, что сурово вижу себя со стороны. Пожилая девушка с пустотелой башней на голове поедает апельсины, прикрыв колени ирландским пледом, в присутствии телевизора и семьи, освещенная голубым светом гжельского подфарника. То есть бра. Но подфарник в таком перечислении лучше, потому что он намекает на наличие у пожилой девушки с пустотелой башней на голове, поедающей апельсины и имеющей плед, мужа, сына, телевизор и гжель, еще и машины, не попадавшей в объектив глаза, потому что она стоит в трех километрах от дома. Будь они прокляты, эти условия существования хоть машин, хоть людей.

Естественно, возникает вопрос, с чего это человек перестал делать любимое дело – грызть семечки и читать романы – и превратился в сюжет для картины? Я с детства неплохо рисовала и любила картинки с историей, чтоб было о чем помечтать. Вот, мол, Меншиков с выводком.

В деревне Березово. Носатый, небритый мужчина. Кулачок на коленку положил, силу сдерживает. Жалко дядьку, а барышень его почему-то нет. Жалко силу, которую скрутили и бросили. Ну, и так далее. Картину, что я вижу про себя, можно было бы точно обозвать и так: «Пожилая девушка с апельсином, пледом и подфарником (бра! бра!), после того как она навсегда перестала читать книги».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.